

25.10.92
Петросян Е.

Евгений Ваганович, кто такой, по-вашему, юморист?
— Человек, который всегда идет нечто среднее. Отыщешь, над чем посмеяться в текущих неудачах и удачах. Юмористический взгляд на жизнь — это очень серьезно. Об этом можно писать книги. Вот и я сочинил одну, зато ольшую. Называется "Хочу артисты". Она написана в стиле занимательного искусствоведения и поэтому адресована всем — и профессионалам, и любителям. Первая часть — это история моего познания жанра: наблюдения, случаи из жизни, цитаты из выступлений и их анализ. Вторая — попытка издать свою систему существования на сцене, эту самую "таблицу Менделеева".

— А как быть с "божественным" вдохновением или оно юмористу ни к чему?

— Извините, но существуют же объективные законы поэзии, музыки, живописи. Почему вы считаете, что у нас их нет? На эстраде очень много своих законов, которые надо понять, заложить в подсознание, а уж оно потом будет выдавать то, что называется искусством. Поэтому я и попытался разложить жанр по косточкам, раскрыть все "черные дыры" традиционной юмористики. Попробовал написать свою серию технологии комического. И, знаете, масса любопытного обнаружилось. Например, Александр Александрович Зенкин, профессор МГУ, доктор наук, воспользовавшись моими формулами, заставил пошутить... компьютер.

— Не может быть: авторитетнейшие научные фантасты утверждают, что компьютер лишен чувства юмора!

— Может. Правда, шутки нашего компьютера пока — на уровне каменного века. Он всего лишь играет с буквами, переставляя их. Горбачев у него сделался Гробачевым. Марксизм — мраксизмом. Я заложил в компьютер свою фамилию — получилось "петросня".

— Ну для такого юмора к технике обращаться не обязательно. По-моему, и ваши братья-юмористы грешат "мраксизмом". Или главное — вырвать смех у зала, а уж за ценой не постоим?

— Вы думаете о нас слишком упрощенно, даже, извините, примитивно. Юмор делает нас сильнее явления, над которым мы смеемся. В легкую счастливую минуту нам и так радостно, без шуток. А когда трудно, именно юмор выполняет великую нравственную функцию. Станислав Ежи Лец как-то сказал: "Трагизм эпохи часто звучит в ее смехе". Сейчас, к сожалению, наш смех — сквозь слезы. У меня сердце болит, когда думаю, что переживает наш народ, у меня слезы льются — видимо, стал с возрастом сентиментальным. Кажется, уже вообще невозможно смеяться над нашими проблемами. Но я — профессионал, я должен

заставить себя и других смеяться над ними.

Для меня юмор — инструмент, на котором я играю. Вот вы заговорили о примитивных шутках, смехе любой ценой. А есть и другая крайность: мол, главное — чтоб идея была, а смешно или нет — неважно. По мне, и то и другое плохо. И случается только с теми, кто свой "инструмент" плохо освоил.

— И как же его осваивают? Поделитесь опытом...

— Познается жанр только эмпирически. Процедура эта долгая, на всю жизнь. Я начал прямо с детства. Помню, мама все говорила: "Женя, перестань корчить рожи, не кривляйся!" А я изучал

Немирович-Данченко когда-то сказал: "Театральные традиции гибнут и перестают быть традициями, когда они превращаются просто в штампы". Так вот, наши "старички" не только знали эти традиции — они их одухотворяли и строили по ним свою жизнь. Они обязательно ходили друг к другу на премьеры и потом перезванивались, пусть даже в три часа ночи. Я их на свою первую премьеру постеснялся пригласить, только Утесова привез. Выхожу на сцену, смотрю — а в зале Милов, Новицкий, Миронова, Менакер...

— Что это? Традиция. Что заставило великого Райкина прийти посмотреть меня, семнадцатилетнего, в кон-

симум упреждаю — но смотря какого дома, а еще над работниками торговли и артистами. Однако складывалась и другая ветвь — широко использовался эзопов язык. В наш арсенал вошли намеки, недоговорки, иносказания, уподобления — и всем этим многие мастерски овладели.

А сейчас все это снова стало не нужно. И юмористы, как актеры, — что видят, о том поют. А иногда и опережают события. Я когда-то предложил Мише Задорнову: "Давай придумаем персонажа, который всех призывает к культуре, а сам говорит чудовищно безграмотно". Начали делать — и получилось довольно забавно: "Товарищи,

жизни, если процитировать один из моих монологов, все в нашей стране спуталось-перезапуталось. Страшно-то как..." Мы запутались в словах, потонули в демагогии и никак не разложим все по полочкам. Придумываем себе трудности на собственную голову, а условий для нормальной жизни не создаем. Я ведь бывал практически во всех уголках "нашей необъятной" и видел: люди, вне зависимости от социального положения, национальности, возраста, хотят одного только — нормально жить.

— Ну, вам-то, судя по всему, живется нормально, и даже очень. Наверняка за столько лет "нашутили" на дачу, машину,

профессию. А случается замечать "соринку в собственном глазу"? Над собой иронизируете?

— Единственное, над чем я дома постоянно иронизирую, так это над собой. Знаю все свои недостатки. Главный — это чрезмерная жадность в работе, из-за нее растрачиваюсь быстрее. Еще я неуклюж в быту, бываю невнимателен к близким. Работа поглощает, и меня не хватает на все. Я не знаю, что такое свободный день. Профессия требует, чтобы я был в курсе событий литературы, искусства, культуры и общественной жизни тоже. Но в политических играх не участвую, я в них ничего не понимаю. И на митинги не хожу: что ж просто фланировать? Работать надо: если бы каждый на своем месте вкалывал, может, изменилось бы что-то. Только не подумайте, что я — человек равнодушный. Когда случился путч, я 20 августа позвонил на радиостанцию, которая была в Белом доме: мы к тому моменту уже сделали куплеты, и я хотел их спеть. А сейчас у меня ощущение просто какой-то свари. Я и с эстрады об этом говорю.

Сейчас безобразия больше, чем раньше. Жизнь стала сильно напоминать страшный сон. В застой я выпустил семь пластинок-гигантов, их тиражи выросли до миллионов. А мой последний, лучший спектакль — "Дураки мы все" — на пластинку не попал. И раньше я за свои пластинки ни копейки не получал: писал их с реакцией зала, а это считалось как "запись по трансляции". И не один я был такой: филармония "Мелодия" по отношению к нам совершила натуральный грабег. Но это не главное. Важнее, что пластинки все-таки приходили в дома моих зрителей. А сейчас мой менеджер позвонил на "Мелодию", ему назвали баснословную сумму. И посоветовали найти спонсора. Мы робко поинтересовались: а вложенные деньги спонсору вернут? Оказалось, нет. Это же уродство какое-то...

Но надо выстоять. Если мы сейчас влезем в белые саваны и медленно поползем по направлению к кладбищу, ничего хорошего из этого не выйдет. Я вот смотрю на теперешнюю молодежь. Ребята деловые стали. На все эти политические козни они даже не обращают внимания. Знают, придет их время — и они все сделают по-своему. Может, в этом и есть наше спасение: каждому делать свое дело. Лично я так и поступаю. Надежда умирает последней...

Беседу вела
Татьяна ИСКАНЦЕВА.

Единственное, что роднит Евгения Петросяна с американским миллионером, — это умение вязать "бабочки". Зато у артиста есть потаенная связь со знаменитым химиком. Потому как

У ПЕТРОСЯНА — СВОЯ "ТАБЛИЦА МЕНДЕЛЕЕВА"

Курант. — 1992. — 25 дек. — с. 9

свое лицо перед зеркалом, пытался его понять. Пока моя первая учительница Маргарита Ивановна Шамкорян, известная бакинская комедийная актриса — мы тогда в Баку жили, — объяснила, что перед зеркалом репетировать нельзя. Дальше — больше: перепробовал все на свете. С двенадцати лет я уже играл сцены из оперетт, вел концерты больших оркестров, читал басни, рассказы, скетчи, освоил парный и сольный концерт, участвовал в агитбригаде, филармоническом кукольном театре, даже в драмтеатре исполнял серьезные роли. Не вылезал из библиотеки: у меня до сих пор хранятся мои детские конспекты системы Станиславского.

Представьте, я нисколько не сомневался, что стану артистом, и готовился к этому. Мой отец был математиком, хорошим ученым, его называли "ходячей энциклопедией", мама — химиком. Но они интересовались искусством, бывали в театрах, на концертах. И они ненавязчиво, но продуманно организовали мое воспитание.

А потом, став артистом, я общался со всеми эстрадными "стариками". Более того, дружил с ними. Вы не представляете, как они умели веселиться, что они рассказывали, перебивая друг друга! Это были не тривиальные анекдоты, а воспоминания с изображением их героев в лицах, устные рассказы, сродни тому, что делал Ираклий Андроников. Я так жалел, что не записывал это на магнитофон! А главное, эти удивительные люди хранили в себе законы искусства, ощущали их интуитивно, среди них были гениальные самоучки. Леонид Осипович Утесов, за плечами которого — четыре класса приходской школы, любил шутить: "Алексей Максимыч Горький не кончал Литературный институт имени Горького".

Только любовь к своему делу, преданность жанру. Что заставляло Веру Петровну Марецкую слушать меня за кулисами, делать какие-то замечания, давать рекомендации? Та же любовь к искусству. Конечно, "старикам" случалось спорить между собой. Могли, например, поругаться из-за порядка выхода на сцену — кто-то хочет позже, кто-то раньше. И тогда, скажем, недовольный Иван Семенович Козловский брал свои валочки и уходил. Но потом возвращался и пел все равно...

— Рассказывают, вами заинтересовался Юрий Александрович Завадский, пригласил актером в свой театр и вы даже прошли худсовет. Но об этом узнал Утесов и отсоветовал: "Женечка, твое дело — эстрада!" Тогда вы его послушались, а спустя много лет взяли и создали свой театр эстрадных миниатюр. Надоело смеяться зал в одиночку?

— О своем театре я мечтал всегда. И организовал его в семьдесят девятом году, когда было чуть легче. Художественных трудностей я и сейчас не испытываю. Другое дело, что ужас всей нашей жизни, кошмар инфляции сбивают с ног и наших сотрудников, и наших авторов. Я каждый день у своего бухгалтера спрашиваю: "Мы банкроты или еще нет?" И все равно мы будем работать. Не знаю, что стану делать, но свой театр не разрушу. Хотя не могу сказать, что живем припеваючи.

— Ваши последние программы стали политизированными. Поэтому резонно поинтересоваться взаимоотношениями артиста Евгения Петросяна с политикой.

— Я начал выступать в начале шестидесятых — тогда тоже была своего рода перестройка. И была совершенно определенная надежда на лучшую жизнь, настолько сильная, что поверилось даже знаменитому хрущевскому заявлению: "Нынешнее поколение советских людей будет жить при коммунизме". Разве это не смешно? Лидер страны заявил, что через двадцать лет — коммунизм, и все поверили. Я и смеялся.

Тогда тоже была своего рода свобода слова. Позже — "закрутка". Сначала, естественно, наступила растерянность, потом адаптировались, стали уходить в "чистый" юмор. Смеяться-то над кем было разрешено? Над слесарем-сантехником, мак-

я вам сейчас всем урок грамотности речи даду. Даду, даду! А то сильно усилился ее падеж и нужен культурный ее внедрение..." Задорнов все это лихо написал. А потом перестройка набрала следующий оборот, пошли выступать депутаты, члены правительства — и мы все успевали, что многие из них так и разговаривают. Миша у нас вообще смелый, так он с этим текстом просто начал показывать Горбачева.

— Тогда это действительно было смешно. Вот только новых тем что-то не видно. Юмор переживает кризис?

— Отнюдь. Темы рождает сама жизнь, а юмор отражает их своим художественным методом. Я не могу сказать, что эстрадная юмористика, в отличие от других жанров, сейчас растерялась. Мы все меняемся вместе с обществом, развиваемся вместе с ним. Людей моей профессии это особенно касается. Я говорю со сцены о том, что сегодня волнует зрителей. Ваш покорный слуга еще в дни первого Съезда народных депутатов показывал его в пародийной форме. Это было в Омске: я вышел на сцену с монологом человека, который предлагает какие-то идиотические способы добычи валюты. Стал говорить — и вдруг опутил себя на трибуне съезда. И начал: "Не захлопывайте меня, у меня еще три минуты есть. А вы, московская делегация..." Что творилось в зале! Такого успеха у меня никогда не было и не будет.

Что касается политических деятелей, я делаю иногда подобные зарисовки, но это одномоментно, если к месту придется. На этом, как говорят у нас на эстраде, срыть успех мне неинтересно. Я шучу о нашей жизни. А в

шикарную квартиру, костюмы "с иголкой"...

— А вы хотите, чтобы у меня совсем ничего не было? Ваши вопросы все время заставляют оправдываться. Если вам это приятно, извольте! Машина есть, правда не "Мерседес", а родной "Жигуль". Есть и дача. Но я чувствую себя городской крысой. Квартира у нас крохотная: спальня — восемь метров, "зал" — пятнадцать, вот и все наши хоромы. Я однажды в Моссовете попросил побольше, а мне говорят: "Пожалуйста, только за доллары". Мне жутко стало, потому что не работал я для другого народа и иной валюты, кроме рублей, не имею. Перед вами — человек, который психологически никогда не мог угнаться за ростом цен, не менял доллары и вообще всегда соблюдал законы и держал деньги в сберегательной кассе...

Кола Бельды как-то не без иронии мне сказал: "Слушай, известный артист, а ходишь как нанаец": он меня в какой-то немыслимый дождь увидел. Знаете, я же из послевоенного поколения, могу что-то пожелать надежды, вы беру что попроще. Жена меня насильно заставляет быть элегантным. Аккуратность, опрятность — другое дело, к этому я приучен с детства. Уже лет с двенадцати ходил в театр в костюмчике и при "бабочке", которую сам виртуозно "вязал", как это делают в кино американские миллионеры. Коллеги часто шутят: "Петросяна в галстук можно увидеть даже на пляже". Но это не потому, что я хочу выпендриться или показать, что я такой вот "денди лондонский" — просто я так привык.

— Вы очень зорки к чужим недостаткам — видимо, это тоже входит в

АО "Магистр" концерна "Гермес"
продолжает пролавать на выгодных условиях:

- акции АО "НТЦ Гермес и К" (возможна дополнительная льгота - рассрочка платежа на год);
- акции Калининградской товарно-фондовой биржи (даёт право работать на КТФБ, ПТУБ "Планета", ТМБ "Гермес");
- универсальные торговые акции "Гермес-Планета";
- акции Московского торгового дома "Гермес";
- акции банка "Гермес-Центр".

Обмениваем акции концерна "Гермес" на ваучеры.

291-13-43, 291-80-70, 291-80-74, 291-22-55 (факс)